

Особенности репрезентации концепта «свобода» в повседневном и юридическом дискурсе (на материале русского и английского языков)

О. В. Дудурич

*Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта
ул. А. Невского, 14, 236041, Калининград, Россия. E-mail: olvdudurich@kantiana.ru*

В работе рассматриваются особенности репрезентации концепта «свобода» в английском и русском языках в юридическом и повседневном дискурсах. Актуальность исследования обусловлена необходимостью описания языковых механизмов, обеспечивающих различную интерпретацию близких по значению лексем *freedom* и *liberty* в англоязычной правовой традиции и их влияние на представления о свободе в русскоязычном коммуникативном пространстве. Цель исследования: описание механизмов трансформации значения лексемы «свобода» под влиянием англо-американской правовой культуры. В ходе анализа обосновывается, что, несмотря на сходство значений, английские лексемы различаются на концептуальном уровне (*freedom* как обозначение личной автономии и *liberty* как знак юридических гарантий). Установлено, что выбор той или иной лексики в юридических текстах Великобритании и США обусловлен дискурсивной спецификой и прагматическими задачами коммуникации. Особую значимость в процессе юридизации лексем получают устойчивые сочетания формы множественного числа слова с определяющими его прилагательными (*public liberties*, *civil liberties*). В русскоязычных текстах периода глобализации в качестве основных механизмов трансляции новых подходов к пониманию свободы выступают семантические кальки. Их активное включение в пространство правовых документов приводит к сближению представлений о свободе личности как правовой категории. Калькирование сочетания *freedom of choice* («свобода выбора») воспроизводит англоязычный паттерн понимания свободы как потребительского комфорта и индивидуальной ответственности за принимаемые решения. Методология исследования опирается на теории семантической деривации, лексической юридизации и межкультурного влияния. В качестве основных методов используются дефиниционный, контекстуальный и сопоставительный анализ. Эмпирическую базу составили данные толковых словарей, тексты юридических документов, медиаматериалов и корпусов русского и английского языков. Делается вывод о трансформации семантики слова «свобода»: в юридическом дискурсе свобода выступает в качестве термина, определяющего пределы институциональных гарантий, тогда как в повседневном дискурсе формируется новое ценностное понимание личностных свобод.

Ключевые слова: концепт «свобода», юридический дискурс, повседневный дискурс, семантика, *freedom/liberty*.

Specifics of the Concept «Freedom» Representation in Everyday and Legal Discourse (with Reference to the Russian and English Languages)

O. V. Dudurich

*Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevsky Street, 236041, Kaliningrad, Russia. E-mail: olvdudurich@kantiana.ru*

The paper examines the specific features of the representation of the concept of «свобода» in the English and Russian languages across legal and everyday discourses. The significance of the study stems from the need to describe the linguistic mechanisms that facilitate distinct interpretations of the closely related lexemes *freedom* and *liberty* within the Anglophone legal tradition, as well as their influence on the perception of freedom in the Russian-speaking communicative environment. The purpose of the study is to describe the mechanisms of transformation in the meaning of the Russian lexeme «свобода» (*freedom*) under the influence of Anglo-American legal culture. The analysis demonstrates that despite their semantic similarities, the English lexemes differ at the conceptual level: *freedom* denotes personal autonomy, while *liberty* signifies

legal guarantees. The research revealed that the choice of a particular lexeme in UK and US legal texts is determined by discursive specifics and pragmatic communicative goals. Fixed collocations of the plural form with defining adjectives (public liberties, civil liberties) acquire particular significance in the process of the legalization of these lexemes. In Russian-language texts of the globalization era, semantic calques serve as the primary mechanisms for promotion of new approaches to understanding freedom. Their active integration into legal documents leads to a convergence of ideas regarding personal freedom as a legal category. Specifically, the calquing of the phrase freedom of choice («свобода выбора») reproduces the English pattern of understanding freedom as consumer comfort and individual responsibility for decision-making. The research methodology is based on the theories of semantic derivation, juridification of the lexicon, and cross-linguistic influence. The primary methods employed include definitional, contextual, and comparative analysis. The empirical foundation comprises data from explanatory dictionaries, legal documents, media materials, and Russian and English language corpora. The study concludes that the semantics of the word «свобода» is undergoing transformation: in legal discourse “freedom” functions as a term defining the limits of institutional guarantees, while in everyday discourse, a new value-based understanding of personal freedoms is emerging.

Key words: concept of «freedom», legal discourse, everyday discourse, semantics, freedom/liberty.

Введение

Изменения в значении и употреблении лексемы *свобода* в юридическом и повседневном дискурсе современных российских СМИ обусловлены во многом воздействием английских лексических коррелятов – *freedom* и *liberty*. Несмотря на общее денотативное ядро, данные существительные имеют отличительные особенности как на концептуальном уровне, так и в организации синтагматических связей и прагматических контекстов. Вхождение России в начале 90-х гг. в пространство правовой глобализации нашло свое непосредственное отражение в способах функционирования слова *свобода* в текстах юридической направленности и в медиадискурсе в целом. Цель работы: выявление системных лингвистических факторов, обусловивших изменения в концепте *свобода*, механизмы его введения в тексты юридических документов, а также другие области современных дискурсивных практик.

Методологический аппарат исследования базируется на концептуальных положениях теории семантической деривации [Зализняк 2001; Шкапенко, Ваулина 2021], принципах анализа межъязыкового влияния [Григорьева 2021] и семантического калькирования [Горбов 2015], а также англосемантизации [Шкапенко, Мильявская 2017]. В работе применяются методы дефиниционного, контекстуального, лингвокультурологического и сопоставительного анализа.

Эмпирическую базу исследования составили данные толковых словарей русского и английского языков, а также материалы современного сетевого дискурса. Сопоставительный анализ лексикографических источников и актуальной речевой практики в интернет-пространстве позволил зафиксировать динамику трансформаций в репрезентации концепта «свобода» и выявить специфику его функционирования в повседневной и юридической сферах.

Результаты исследования

Репрезентация концепта *свобода* в английском языке

В английской лингвокультуре концепт «свобода» репрезентируется лексической оппозицией *freedom* и *liberty*. В рамках лингвокультурологической парадигмы А. Вежбицкой данные единицы рассматриваются как этноспецифические феномены, инкорпорирующие культурно детерминированную «точку зрения» на природу волеизъявления субъекта.

Ключевое различие между анализируемыми лексемами заключается в их семантических особенностях. Для *freedom* характерна так называемая «негативная» интенция: она интерпретируется как возможность индивида воздерживаться от нежелательных действий или реализовывать собственные намерения без вмешательства извне. Подобное осмысление, по мнению ученого, коррелирует с фундаментальной установкой англосаксонской культуры – идеалом «ненавязывания» (non-imposition). В данной системе координат свобода не тождественна абсолютной партикулярной воле, поскольку предел реализации интенций одного субъекта полагается точкой соприкосновения с интересами другого. Принцип «ненавязывания» функционирует как институционализированный механизм, гарантирующий члену социума неприкосновенную сферу автономии. А. Вежбицкая эксплицирует данную культурную установку через следующую ментальную репрезентацию: «Может быть, я не могу делать что-то, что я хочу, но, по крайней мере, никто другой не помешает мне делать то, что я хочу и на что имею право» [Вежбицкая 2001: 223].

Что касается *liberty*, в семантике этого слова, согласно наблюдениям А. Вежбицкой, изначально была заложена идея борьбы против рабства и угнетения. Поскольку выполнение данной задачи западной цивилизацией считается завершенным, значение слова *liberty* подверглось сужению: оно «стало специализироваться на «общественных правах», то есть на правах общественных групп, гарантируемых соответствующими политическими структурами» [Вежбицкая 2001: 225]. Таким образом, сущность концепта *свобода* определяется через структурное бинарное противопоставление состояний свободы и несвободы.

Лексема *liberties* (свободы) является концептуально значимой для основополагающих правовых актов США. Данное понятие широко представлено в «Билле о правах» (первых десяти поправках к Конституции), определяющем базовые гарантии личности, а также в самой Конституции и в ряде законодательных актов, таких как «Законы о личной свободе» (*Personal Liberty Laws*). Указанные документы направлены на институциональную защиту гражданских прав и свобод от неправомерного государственного вмешательства.

С точки зрения историко-правового анализа необходимо проводить четкую демаркацию между двумя

одноименными документами, принадлежащими к англосаксонской правовой семье:

1) английский Билль (*Bill of Rights*) о правах 1689 года (англ. *An Act declaring the Rights and Liberties of the Subject and Settling the Succession of the Crown – Акт, декларирующий права и свободы подданного и устанавливающий наследование Короны*) является фундаментальным элементом британской неписаной конституции. Его юридическая природа заключается в переходе от абсолютизма к конституционной монархии, где полномочия суверена ограничиваются в пользу парламента, а права и свободы подданных декларируются как неотъемлемые условия легитимного правления. Документ послужил историческим прецедентом и идеологическим фундаментом для развития концепции верховенства права;

2) американский Билль о правах (1791 г.) представляет собой первые десять поправок к Конституции США. В отличие от английского прототипа, его юридический контекст ориентирован на жесткое ограничение полномочий федерального правительства в интересах штатов и отдельных граждан. Здесь права и свободы концептуализируются не просто как «права подданных», а как естественные, неотчуждаемые права человека, защищаемые судебной системой от любых законодательных или исполнительных посягательств. Несмотря на ограниченную частотность употребления термина *liberties* непосредственно в основном тексте, смысловой вектор документа задается Преамбулой. В ней провозглашается цель обеспечения «благ свободы» (*the Blessings of Liberty*) для современников и потомков.

Таким образом, если английский документ 1689 года заложил институциональные основы ограничения власти, то американская правовая традиция трансформировала эти идеи в систему гарантированных гражданских свобод, адаптировав их к республиканской форме правления.

В правовом дискурсе США семантика *liberties* находится в состоянии эквивалентности с понятием *rights*. Традиционная формула «права и свободы» на английском языке передается как *rights and freedoms* либо *rights and liberties*. При этом термин *rights* преимущественно относится к юридически закрепленным нормам, в то время как *freedoms* и *liberties* охватывают более широкую категорию автономии личности и отсутствие необоснованных ограничений. Это находит отражение в устойчивых конструкциях, таких как: *Human rights and fundamental freedoms* ('права человека и основные свободы'); *individual rights and liberties* ('права и свободы индивида').

Использование термина *liberties* в текстах различной функциональной направленности иллюстрирует многогранность этого понятия:

1) в контексте гражданской активности и защиты правового статуса личности: *Many citizens join picket activities to advocate for their rights and liberties* ('Многие граждане присоединяются к пикетам, чтобы защищать свои права и свободы');

2) в рамках анализа исторических и сословных преференций: *It was a significant political problem, especially for the guilds, because in their view, it was a severe encroachment on their corporate liberties* ('Это была существенная политическая проблема, особенно для сообществ [гильдий], поскольку, по их мнению, это было серьезным посягательством на их корпоративные свободы');

3) в военно-политическом и освободительном дискурсе: *They rose in order to fight for their own rights, liberties, and land* ('Они поднялись, чтобы бороться за свои права, свободы и землю').

Вместе с тем употребление слова *liberties* характерно не только для правового дискурса, но и для повседневной речи, где слово подвергается идиоматизации в составе устойчивого сочетания *to take liberties* – *He doesn't allow staff members to take liberties, such as calling clients by their first names* ('Он не позволяет сотрудникам злоупотреблять правилами [допускать вольности], например обращаться к клиентам по имени'). Заметим, что идентичное приращение смысла характерно и для русского существительного *вольности*, которое первоначально функционировало в документах официально-делового и государственно-правового характера (например, в «Жалованной грамоте дворянству» 1785 года, закреплявшей сословные права), однако впоследствии стало обозначать выход за рамки этикета, излишнюю фамильярность или неоправданную свободу в поведении.

Таким образом, функциональный диапазон лексики *liberties* охватывает как строго регламентированную сферу государственного права, так и область межличностных отношений, при этом в обоих случаях сохраняя концептуальное ядро, связанное с границами дозволенного поведения.

Функционирование лексики свобода в юридическом дискурсе современного русского языка

Существительное *свобода* прошло длительный исторический путь от выражения онтологического понятия «возможности действовать по своей воле» (Даль 2006: 151) до его использования как юридического термина. Окончательно процесс юридизации лексики оформился в период правовой глобализации, с начала 90-х гг. прошлого столетия. Языковыми средствами англосемантизации концепта явились, в первую очередь, плюрализация формы существительного *свобода* (*свободы*) в результате калькирования английских сочетаний *civil liberties*, *personal liberties*, *political liberties*, *economic liberties* и т. п. (CD), например: *Many citizens join picket activities to advocate for their rights and liberties* ('Многие граждане присоединяются к пикетам, чтобы защищать свои права и свободы'); *It was a significant political problem, especially for the guilds, because in their view, it was a severe encroachment on their corporate liberties* ('Это была существенная политическая проблема, особенно для сообществ, поскольку, по их мнению, это было серьезным посягательством на их корпоративные свободы') (СОСА) и т. п.

Отметим, что множественное число слова *liberty* означает свободу (как право, гарантированное законом), и, в зависимости от контекста, это могут быть «гражданские свободы», «личные свободы» (*personal liberties*) или «злоупотребления» (*liberties taken*). Например: *The state should not be allowed to infringe upon personal liberties without a compelling reason* ('государству не должно быть позволено посягать на личные свободы без веских на то оснований'); *He's the sort of man who takes liberties with women* ('он из тех мужчин, что позволяют себе лишнее/вольности

в обращении с женщинами') (BNC).

Таким образом, слово *свобода* из абстрактной, экзистенциальной категории превратилось в правовую, экономическую – маркированную именно формой множественного числа, которая является способом конкретизации понятия *свободы*, переводя его из общей категории в ряд конкретных проявлений.

С другой стороны, *свобода* – это еще и возможность самоопределения личности, имеющая определенные границы. Правовые нормы устанавливают правила игры, чтобы *свобода* одного не нарушала *свободу* другого, а также обеспечивают социальный порядок и стабильность. Как отмечает А. В. Корнев: «Именно субъективное право абсолютно верно связывается со свободой, ибо это мера свободы» [Корнев 2015: 113].

Воздействие представлений о свободе как правовой категории в рамках англо-американской лингвокультуры обусловило ряд модификаций в концептуальном содержании русского концепта *свобода*.

В русском языковом сознании понятие *свобода* тяготеет к философско-онтологическому осмыслению как внутреннему состоянию духа. По наблюдениям А. Д. Шмелева, русская «свобода» исторически противопоставлена «воле» и несет в себе высокую ценностную нагрузку [Шмелев 2002: 93]. Однако под влиянием английского *freedom* происходит инструментализация понятия: семантический сдвиг от категории «состояния» к категории «ресурса». Это находит отражение в росте частотности падежно-предложных конструкций по модели *freedom from* (свобода от чего-либо), например: «Новая цифровая реальность гарантирует свободу от посредников» (РБК); «Для него свобода была не синонимом воли, а осознанной необходимостью в духе европейской традиции» (Новое время) (НКРЯ). В русском узусе такая трактовка десакрализует концепт, превращая его в технический маркер отсутствия препятствий или «рыночную автономию» [Копылова 2020: 195].

Лексема *liberty*, в отличие от *freedom*, этимологически сопряжена с институционально закрепленным статусом. В российском дискурсе «свобода» все чаще функционирует в значениях, эквивалентных английскому *civil liberties*. Морфологическим маркером этой трансформации является переход лексемы в разряд конкретно-исчисляемых существительных, например: «Власти обязаны защищать наши базовые свободы» (Коммерсантъ); «Защита фундаментальных свобод граждан становится ключевым пунктом повестки правозащитных организаций» (Коммерсантъ) (НКРЯ); «The bill of rights protects our fundamental liberties» (COCA).

Формирование устойчивых сочетаний во множественном числе («пакет свобод», «перечень свобод») воспроизводит семантическую структуру английского *liberties*. Как указывала Н. Д. Арутюнова, такая «множественность» превращает идею в объект обладания или обмена [Арутюнова 1999: 439]. Свобода интерпретируется как «набор опций», подлежащих правовому регулированию [Иванова 2023: 48].

Итогом описанных процессов становится постепенное замещение традиционного противопоставления «свобода vs. воля» западной моделью «свобода как правовой инструмент». В академической среде конструкции типа «академические свободы» (калька с *academic freedom*) маркируют право на автономное функционирование институций, утрачивая связь с этической категорией «вольномыслия».

В маркетинговом и лайфстайл-дискурсах клише «свобода выбора» (когнитивный эквивалент сочетания *freedom of choice*) воспроизводит англоязычный паттерн понимания свободы как потребительского комфорта и индивидуальной ответственности за принятое решение. Например: «Потребительская свобода превращается в ловушку: избыточный ассортимент навязывает человеку постоянную тиранию выбора» (*Psychologies Russia*); «Настоящая свобода всегда сопряжена с риском ошибки, это тяжелая ноша индивидуальной ответственности» (НКРЯ).

Анализ частотности в НКРЯ за 2000–2024 гг. подтверждает семантические преобразования концепта «свобода» под влиянием англоязычных моделей, проявляющуюся в росте исчисляемости (увеличение частоты множественного числа на 18–22 %), доминировании коллокации «свобода выбора» и увеличении конструкций «свобода от» (в 1,5 раза) в публицистике (НКРЯ). Данные тенденции свидетельствуют о переходе концепта из категории абстрактного состояния в дискретный юридический и прагматизированный экономический объект.

Таким образом, влияние иноязычных моделей реализуется через механизмы семантической специализации (юридизации) и концептуального обогащения. В современном русском языке наблюдается функционально-стилистическая дифференциация лексемы. Она мигрирует из категории абстрактных философских универсалий (реализуемых в контекстах типа «свобода как познанная необходимость») и общеупотребительных единиц («свобода от опеки») в строго регламентированную правовую категорию.

Данный процесс терминологизации окончательно закреплен в тексте Конституции РФ, где «свобода» (совести, вероисповедания и др.) выступает в качестве юридического денотата с фиксированным содержанием. Дальнейшая конкретизация лексемы осуществляется в рамках судебно-правового дискурса (решения Конституционного Суда РФ), в рамках которого интерпретация термина опирается на нормы международного права, что подтверждает статус «свободы» как бинарного регистра: широкого абстрактного понятия в обиходной речи и узкоспециального термина в официальной юриспруденции.

Заключение

Выполненный анализ позволяет заключить, что существительное *свобода* в современном русском языке претерпевает глубокую семантическую ревизию. Под воздействием англоязычной экспансии (англосемантизации) происходит вытеснение исконных смыслов, связанных с внутренней независимостью и экзистенциальным поиском, прагматическими компонентами западного либерального дискурса [Петрова 2022: 48]. В результате семантика лексемы аккумулирует англо-американские когнитивные сценарии *freedom* (как отсутствие внешних барьеров) и *liberty* (как юридический актив), что свидетельствует о существенных изменениях в русском правовом и культурном сознании.

Список источников

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2006.
Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: <https://ruscorpora.ru>.
British National Corpus (BNC). URL: <https://ox.ac.uk/>.
Cambridge Dictionary (CD). URL: <https://dictionary.cambridge.org/>.
Corpus of Contemporary American English (COCA). URL: <https://english-corpora.org/>.

Литература

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.
Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М, 2001.
Горбов А. А. К вопросу о семантическом калькировании и «вторичном заимствовании» в русском языке рубежа XX-XXI веков / Вопросы языкознания. – 2015. – №1. – С. 87–101.
Григорьева Т. В. Семантическая деривация под влиянием иноязычных образцов как фактор трансформации языковой картины мира / Вестник Башкирского университета. – 2021. – Т. 26. – № 2. – С. 412–418.
Зализняк А. А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» / Вопросы языкознания. – 2001. – № 2. – С. 13–25.
Иванова Е. В. Трансформация политического дискурса в зеркале англо-русской интерференции / Политическая лингвистика. – 2023. – № 1 (97). – С. 45–54.
Копылова Т. Р. Динамика концепта «свобода» в современном медиадискурсе / Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2020. – Т. 30. – Вып. 2. – С. 191–198.
Корнев А. В. Свобода, право и закон в контексте правопонимания / LexRussica (Русский закон). – 2015. – № 11. – С. 109–120.
Петрова Н. Е. Динамические процессы в лексике и фразеологии современного русского языка. М., 2022.
Шкапенко Т. М., Ваулина С. С. Роль контекста в процессе семантических преобразований лексической единицы / Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2021. – Т. 20. – № 6. – С. 158–169.
Шкапенко Т. М., Милявская Н. Б. Понятие англосемантизма в теории заимствований: к постановке проблемы / Universum: Филология и искусствоведение: электрон. научн. журн. – 2017. – № 9(43).
Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М, 2002.

References

Arutyunova, N. D. (1999). Yazyk i mir cheloveka: a monograph. Moscow (in Russian).
Gorbov, A. A. (2015). On the issue of semantic calquing and "secondary borrowing" in the Russian language at the turn of the XX-XXI centuries. Issues of Linguistics, 1, 87-101 (in Russian).
Grigor'eva, T. V. (2021). Semantic derivation under the influence of foreign language patterns as a factor in the transformation of the linguistic picture of the world. Bulletin of the Bashkir University, 26(2), 412–418 (in Russian).
Ivanova, E. V. (2023). Transformation of political discourse in the mirror of English-Russian interference. Political Linguistics, 1(97), 45–54 (in Russian).
Kopylova, T. R. (2020). Dynamics of the "freedom" concept in modern media discourse. Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology, 30(2), 191–198 (in Russian).
Kornev, A. V. (2015). Freedom, right and law in the context of legal understanding. LexRussica (Russian Law), 11, 109–120 (in Russian).
Petrova, N. E. (2022). Dynamic processes in the vocabulary and phraseology of the modern Russian language. Moscow (in Russian).
Shkapenko, T. M., Milyavskaya, N. B. (2017). The concept of anglo-semantism in the theory of borrowings: to the statement of the problem. Universum: Philology and Art History: electron. scientific. journ., 9(43) (in Russian).
Shkapenko, T. M., Vaulina, S. S. (2021). The role of context in the process of semantic transformations of a lexical unit. Science Journal of Volgograd State University. Linguistics, 20(6), 158–169 (in Russian).
Shmelev, A. D. (2002). Russian linguistic model of the world: Materials for the dictionary. Moscow (in Russian).
Vezhbitskaya, A. (2001). Understanding cultures through key words: a monograph. Moscow (in Russian).
Zaliznyak, A. A. (2001). Semantic derivation in synchrony and diachrony: the "Catalog of Semantic Transitions" project. Issues of Linguistics, 2, 13–25 (in Russian).

Citation:

Дудурич О. В. Особенности репрезентации концепта «свобода» в повседневном и юридическом дискурсе (на материале русского и английского языков) // Юрислингвистика. – 2026 – 41. – С. 72–76.
Dudurich O. V. (2026) Specifics of the Concept «Freedom» Representation in Everyday and Legal Discourse (with Reference to the Russian and English Languages). Legal Linguistics, 41, 72–76.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License